

УДК 821.161.1(470.12)

С.Х. Головкина

Вологодский государственный университет

ОБРАЗНОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ТЕМЫ ДЕТСТВА В ПОВЕСТИ В.И. БЕЛОВА «ПРИВЫЧНОЕ ДЕЛО»

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-012-00348
«Энциклопедия “Привычного дела” В.И. Белова»*

В статье рассматривается художественное воплощение мира детства в повести В.И. Белова «Привычное дело». Как показывает исследование, описание внутреннего состояния ребенка, особенностей восприятия мира являются наиболее значимыми при раскрытии темы детства. Представлена роль игр и труда в формировании личности ребенка, его культурного и социального опыта. Подтверждается авторская идея преемственности поколений и бесконечности жизненного цикла.

Василий Белов, поэтика прозы, художественный образ, тема, детство, детские образы.

Исследование феномена детства не раз осуществлялось в гуманитарной науке во всем многообразии подходов: психологического, философского, социокультурного, эстетического и др. Изучению детских образов и развитию темы детства в литературном произведении посвящено немало работ, поскольку детство – одна из ключевых тем мировой литературы. Художественное воплощение образа ребенка рассматривается нередко на примере одного или нескольких произведений писателя или поэта [3; 7; 11; 12], проводится также сопоставление детских образов разных произведений нескольких писателей [6], сделаны попытки обобщения представлений о детстве в классической литературе [8; 10], в художественных текстах советского и постсоветского периода [1; 13].

Повесть В.И. Белова «Привычное дело», произведение об истории одной семьи, отражает как традиционное, так и индивидуально-авторское понимание образа детства. Мир детства рассматривается писателем как психологический, культурный и социальный феномен. В отличие от многих произведений советского периода повесть не содержит эпизодов «воспоминания» о детстве. Читатель не сталкивается с описанием переживаний, событий, историй из детства «взрослых» персонажей, например бабки Евстоля, Катерины, Митьки Полякова или Дашки Путанки. Исключение, пожалуй, составляет, единичное, краткое упоминание о детстве Ивана Африкановича. Однако и оно скорее представляет собой формулу «взрослого» поведения труженика, служит характеристикой одной из привычек главы большой крестьянской семьи: «Бывало, еще покойник дед говаривал голоштанному внуку: встанешь раньше, шагнешь дальше» [2, с. 35]. В «Привычном деле» мир детства представлен сыновьями и дочерьми Ивана Африкановича. О существовании других деревенских детей чи-

татель догадывается благодаря отдельным упоминаниям. Например, в ситуации, когда бабка Евстоля рассказывает сказку о пошехонцах пришедшим домой с прогулки внукам и еще шести их сотоварищам. Тем не менее, писателю удается показать внутренний мир, мировоззрение, взаимоотношения детей разного возраста и пола, поскольку в центре произведения – судьба большой крестьянской семьи.

В начале повести пьяный Дрынов, едущий в деревню с товаром для магазина, перечисляет всех своих детей, пытаясь вспомнить, сколько их – «восемь али девять»: «Значит так: Анатюшка у меня второй, Танька первая. Васька за Анатюшкой был, первого мая родила, как сейчас помню, за Васькой Катюшка, после Катюшки Мишка. После, значит. Мишка. П-п-погоди, а Гришку куда? Гришку-то я забыл, он-то за кем? Васька за Анатюшкой, первого мая родился, за Васькой Гришка, после Гришки... Вот ведь, унеси леший, сколько накопил! Мишка значит, за Катюшкой, за Мишкой Володя еще, да и Маруся, эта меньшуха, родилась в межумолоки...». С тем, «который в брюхе-то», получается девять [2, т. 2, с. 9]. Рождение девятого ребенка происходит на третий день после возвращения Ивана Африкановича в деревню. В шутку Иван Африканович называет всех своих детей «клиентами», приехавший из города брат Катерины Мишка – архаровцами, бабка Евстоля – оравушкой и саналапами. Перечисление детей в начале повести ведется от старших к младшим, тогда как дальнейшее их описание в отдельной главе «Детки» осуществляется уже в обратном порядке.

Несущественным для В. Белова оказывается подробное описание внешности детей глазами «взрослого наблюдателя». Писатель ограничивается лишь указанием на их общее сходство с матерью. Выбор имени для лежащего в люльке шестинедельного младенца

становится своего рода компенсацией за внешнее несходство с отцом: «Как парня-то назовем? <...> Хотя и не в мою породу, а я бы Иваном» [2, с. 23]. Любопытно, что самого младшего ребенка Дрыновых на протяжении повести в отличие от других детей повествователь или персонажи произведения вообще очень редко называют по имени. Имя младенца (Иван, Ваня, Ванюшко, Иванушка) упоминается сначала в момент регистрации в сельсовете, затем в сравнении особого состояния Ивана Африкановича и мироощущения новорожденного спящего в люльке Ивана, а также время от времени в типично «материнских» беседах бабки Евстоля с младенцем («Ванюшко, ты мой Ванюшко, выпался у меня Ванюшко? Выпался, золотой парень, ну-ко, сухо ли у тебя тут? Сухо-то пресуху у Иванушка, ой ты дитяtko, светлая свичушка, вон, ну-ко этой-то баушке покажись. Вон, скажи, баушка, я какой!» (Там же, с. 34)) и разговоре Екатерины с сыном («А вот мы с Ванюшком и пробудились, вот мы с маленьким проголодались, а где-то сейчас папка-то наш? Оставил нас наш папка, на машине уехал, куда уехал, и сам не знает» (Там же, с. 91)).

При отсутствии портретного описания Белов дает возрастную характеристику каждого ребенка и нередко передает внешние признаки детей через их действия, поступки. Четырехлетняя Маруся качает в люльке шестинедельного Ивана и полуторагодовалого Володю. Ревущий в люльке Володька будит утром старших Катюшку с Гришкой. Гришка учится в третьем классе, Катюшка – в четвертом. Близнецам Мишке и Ваське по шесть лет, шумные, бойкие, спят одинаково, даже штаны и валенки надевают одинаково. «Из-за перегородки пахло жареной картошкой, шумел у шестка самовар. Васька дотронулся пальцем до самовара, и Мишка дотронулся, Мишка подул на палец, и Васька подул» (Там же, с. 27). Близнецы с любопытством рассматривают «нового», который в отличие от Володьки совсем не ревет. Но только этим пока и интересен он для них, ведь бегать по деревне и играть пока не может, потому долго разглядывать его скучно.

О старших детях – Тане и Анатошке, живущих далеко от дома, читатель узнает только со слов Екатерины, Ивана Африкановича и бабки Евстоля. Разлученные с семьей, дети скучают по дому. Пришедшей в гости Степановне Евстоля с грустью рассказывает, что Анатошка «уже в шестых, всю неделю в школе и живет, а как приедет на выходной, так и заплачет: “Не посылай, – говорит, – бабушка, меня в школу-то, лучше, – говорит, – буду солону возить”» (Там же, с. 34). Танюшка, оторванная от семьи, живет в Мурманске, «напостылело» ей в няньках, богатые люди ей платья купили, башмаки, «учиться по вечерам велют», а она совестливая – «в магазин ходит, стирает, посуду моет» (Там же, с. 34). Прокормить большую семью в деревне, выучить всех детей и устроить их будущее сложно, поэтому старшие дети вынуждены трудиться, жить отдельно от родителей – «в чужих людях», ведь в городе у них есть возможность закончить училище, получить паспорт, устроиться на оплачиваемую работу.

Наиболее значимым для писателя становится изображение внутреннего состояния детей и восприятия ими окружающего «взрослого» мира, осознания себя

в этом мире. Так, жизнь новорожденного показана через его физиологическое состояние: непрекращающееся ощущение голода «даже тогда, когда он, насытившись материнским молоком, улыбался белому свету. Даже во сне потребность в насыщении не исчезала» [2, с. 25]. Младенческое восприятие счастья передано как телесное, физическое движение: «Не было и тени отвлеченного, нефизического сознания этого “хорошо”. Ноги почему-то сами двигались, туда-сюда, пальчики на руках, тоже сами, то сжимались в кулачок, то растопыривались» (Там же). Созерцательно-счастливое равнодушие младенца не нарушает даже рев его полуторагодовалого брата Володи, плач которого определяется повествователем как «борьба за люльку». Поведение и реакции ребенка на «выселение из колыбели» новым «существом» показаны в интерпретации писателя как осознание абсолютной несправедливости мира.

Внутреннее состояние Володи определяется как боль, тоска по всегда отсутствующей матери, выливающаяся в жажду завладеть люлькой. Он уже научился ходить, говорит много слов, бабку называет мамой, отца – папой, продолжает сосать резиновую пустышку, от которой бабка Евстоля пытается отучить его разными способами: мажет горчицей, говорит, что соску утащила собака. Оба сына Дрыновых занимают одну большую колыбель и постепенно начинают привыкать друг к другу. Восприятие мира и ощущение одиночества полуторагодовалым ребенком передается В.И. Беловым в звуковых образах: «Он уже знал все звуки родимой избы. Особенно звук двери. У него замирало сердце от тоски, когда бабка с ведром выходила из избы и исчезала. Тогда ему становилось невыносимо тоскливо. <...> Он уже не мог сдерживать слезного крика. Из сжатого горлышка вот-вот бы вырвался этот крик, но вдруг дверь отворялась и бабка Евстоля, живая, настоящая, появлялась в избе...» (Там же, с. 26).

Молчаливость четырехлетней Маруси объясняется в повести обстоятельствами ее рождения: «Она родилась как раз в то время, когда нынешняя корова рогуля была еще телочкой и молока не было, и от этого Маруся росла тихо и все чего-то думала, думала, но никто не знал, что она думала» (Там же). Замкнутость дочери, рано оторванной от матери, не нарушает связи с ней. Одно только упоминание о «мамушке» вызывает на Марусином личике долгую изумленно-тревожную улыбку, радость и восхищение. Описание противоречий внутреннего мира ребенка у Белова осуществляется в результате контрастного изображения реакций на факты окружающей действительности: с одной стороны – тоска, горе, слезы, с другой – радость, счастье, улыбка. Неразрывная духовная связь ребенка с матерью передается писателем как сердечная боль, выражаемая в особых состояниях «молчания», «сдерживаемого внутреннего крика» или «задумчивости». Болезненно воспринимается детьми расставание с матерью, особенно когда ее увозят в больницу с первым гипертоническим приступом: «Катя да Анатошка – эти постарше – сразу стали невеселыми: иной раз несет девка ложку ко рту, да так и не донесет, задумается...» (Там же, с. 47). Возвращение матери рождает противоположное ощущение не-

вероятной радости от встречи, передаваемое через физические действия детей: «Остановилась: от реки с визгом бежал Гришка, за ним, не поспевая, размахивая ручонками, торопились двойники Васька да Мишка, а с поля, с другого конца, бежала голенастая Катя, все радостные, родимые... Прибежали, уткнулись в подол, охватили ручонками ослабевшие ноги...» [2, с. 46].

Тема детства в повести связана с «передачей непосредственности, созерцательности, естественно-природного согласия с миром, бескорыстия и сердечной доброты» [5, с. 11]. Созерцание окружающего мира шестинедельным Иваном описано автором как неосознание «разницы между сном и несном» [2, с. 25], как постепенное физическое ощущение сначала твердого и мягкого, потом теплого и холодного, светлого и темного, голода и насыщения, самостоятельности своего тела. В постоянной задумчивости Маруси как будто кроется что-то непостижимое и трогательное, какое-то неведомое взрослому человеку знание о мире. Детское мировосприятие проявляется в особенностях речи, характере вопросов, которые адресованы взрослым, наивных комментариев происходящих событий, в поступках детей, их поведении в отношении друг к другу, учебе, отдыху и развлечениям. Дети не связаны условностями, стереотипами, ограничениями и предубеждениями, свойственными миру взрослых. Так, например, Гришка честно и бесхитростно сообщает районному начальнику «запретную» информацию о ночном покосе и даже показывает место, где поставлены стога. Социальная оценка и иерархические отношения в обществе не являются ориентирами для поведения ребенка. Прокатиться на лошади или общаться «на равных» с взрослым доставляет мальчишке великое удовольствие. Он искренне недоумевает, почему косить надо в лесу, если в поле трава не кончилась, и почему надо обманывать, что гонял теленка в поскотину, если на самом деле косил в лесу с отцом. Неиспорченность социумом, отсутствие потребности лгать, скрывать что-то и изворачиваться отражает естественное и простодушное детское восприятие мира.

Одной из составляющих «культуры детства» в повести «Привычное дело» оказывается игра. Как справедливо отмечает А.В. Федорова, «игра выступает как способ познания мира и позволяет ребенку получить необходимый для дальнейшей жизни социокультурный опыт» [9, с. 143]. Так, маленькая Маруся постигает женскую модель поведения, играя в «дочки-матери». Описание самой игры писателем не показано, лишь отмечено как факт в наблюдении взрослого повествователя. С одной стороны, действия Маруси характеризуют ее психологическое состояние, компенсируют недостаток материнской заботы и внимания. Катерина с раннего утра и до поздней ночи вынуждена работать на ферме, а для Маруси присутствие «мамушки» – главное условие радости и счастья. С другой стороны, действия девочки в отношении тряпичной куклы – своеобразное подражание поведению матери или няньки, востребованному в реальной жизни: дома и за его пределами. Так, Маруся, помогая бабке Евстоле, качает люльку с младшими братьями, гремит им погремушкой. После смерти

матери девочке уготована судьба старшей сестры Танюшки – «жить в няньках». По-видимому, подражание как способ постижения мира отражается и в своеобразной «игре в хозяйку дома или учительницу» у Катюшки. На правах старшей сестры она берет ответственность за младших: укачивает Володьку, следит за тем, чтобы близнецы утром умылись, а Гришка не ленился и выполнил домашнее задание. «И Гришке не было от нее покоя. Вот и сейчас успокоила Володьку – и на него, как учительница, бери то, делай это, усадила за стол и велит примеры решать...» [2, с. 27].

Близнецы Мишка и Васька большую часть времени проводят на улице вместе – в играх и забавах. Тем не менее, «Васька энергичнее брата, у него развита фантазия, он смел и настойчив» [9, с. 146]. Главным образом он оказывается инициатором рассказа «сказки о пошехонцах», именно его сравнивает бабка Евстоля с персонажами сказки, именно Васька с отцовским орденом Славы «на пузе» часами скачет по деревне на патачине (диал. батог, дрын – ‘палка с заостренным концом’). В какой-то мере поведение Васьки своего рода отражение личности и поведения его отца – Ивана Африкановича Дрынова, который и сам в молодости использовал такой батог в деревенских драках. Васька же использует это «оружие», имитируя боевое сражение, ассоциативно отсылающее читателя к разговорам мужиков о фронтовом прошлом Дрынова. «Игра позволяет ему [Ваське] индивидуализироваться, осознать свое «Я» отделенным от «Другого», определить пространство собственной личности, что является необходимым условием взросления ребенка» (Там же).

В повести «Привычное дело» социальный опыт детей с малых лет формируется и в процессе трудовой деятельности. В традициях русской крестьянской семьи уже на шестом году жизни дети включались в трудовую активность взрослых – мальчики обычно пасли телят, овец, гусей; девочки учились прясть и ткать, нянчили младших детей, помогали матери по хозяйству. Воплощение этих традиционных устоев находим и в повести В. Белова. Так, например, Васька загоняет во двор возвратившуюся в пастбища Рогулю, Катюшка ветками черемухи смахивает с коровы комаров во время дойки, Маруся успокаивает лежащих в колыбели Ивана и Володю, Анатошка летом возит в колхозе траву на силос, Анатошка с Гришкой вместе с отцом косят колхозное сено, Гришку в качестве подмоги берет с собой Иван Африканович ночью косить в лесу для личного хозяйства. Изображение детского труда не содержит аксиологических характеристик, свойственных произведениям советской литературы XX века. Работа не показана как тяжелое испытание или непосильный для детей труд. Констатирующее повествование чаще всего создает впечатление простых, посильных и обычных действий, которые воспринимаются как привычная помощь взрослым членам семьи. Особое место в повести занимает сцена последнего покоса, когда Катерина обучает маленькую Катюшку правильно держать косу и срезать траву. Писатель, с одной стороны, отражает ситуацию передачи крестьянского опыта от матери дочери, ответственного отношения к работе; с другой – подчеркивает, какие усилия необходимо приложить для дос-

тижения результата и к каким последствиям может привести такой непрерывный тяжкий труд. В этом эпизоде читатель видит изменения, происходящие с ребенком. По дороге к покосу Катюшка и Гришка предстают как маленькие дети, бегущие вслед за матерью, во время косьбы с каждым удачным движением Катюшка будто взрослеет на наших глазах, набираясь опыта, и снова превращается в растерянного ребенка в трагической ситуации, когда видит упавшую на траву, умирающую мать. Неожиданность увиденного, страх и бессилие в ситуации предсмертного состояния матери выражаются в детской реакции, воплощенной в звуковом образе «двойного плача» Гришки и Катюшки («заревели в голос, заревели на весь лес» [2, с. 94]).

Смерть матери существенным образом влияет на судьбу детей. В тексте повести отражается устойчивое народное представление о том, что ребенок «без отца – полсироты, а без матери и вся сирота» [4, с. 92]. После смерти Катерины Степановна, идущая навестить Евстолю, видя у реки маленького Гришку, слезно замечает: «Сирота. С эдаких-то годков да без матки...» [2, с. 108]. После смерти Катерины придется зарезать корову, кормилицу большой семьи. Символично прощание детей с Рогулей, готовой к рождению сразу двух телят: «Было слышно, как в избе взаллеб, горько плакал кто-то из сыновей; глядя на него, заплакал еще один, потом третий...» (Там же, с. 107). Оставшихся без матери детей одному Ивану Африкановичу не вырастить. Бабка Евстоля сообщает Степановне, что двойников Ваську и Мишку пришлось отдать в приют, Анатюшку в училище, а Катюшку собираются отправить в Мурманск на место Танюшки, которую Митька на хорошую работу устроил. «Останутся только Гришка да Маруся да в зыбке два санапала» (Там же, с. 110), но и с этими одной бабке Евстоле не справиться, худая стала, годы уж не те. Через день вся деревня говорит, что «нет никого лучше Нюшки заменить Катерининым ребятишкам родную мать, да и коровам прежнюю обряжуху...» (Там же, с. 112). И вот уже в день сорочин Нюшка качает зыбку с младшим сыном Дрынова, ласково утешает ребенка и неловко берет его на руки. И будто в подтверждение идеи жизненного круга «Иван Иванович запрыгал в Нюшкиных руках и пустил губами радужный от солнца пузырь» (Там же, с. 125). На могиле жены Иван Африканович рассказывает о старших детях и о подростке Ванюшке, который уже и слова говорит, и глазами весь в мать. Так В. Белов обращает читателя к мысли о жизненном круге и продолжении жизни в новом поколении.

Непрерывный жизненный цикл, идея преемственности поколений воплощены В. Беловым и в именовании родителей и детей. Новорожденному младенцу дают имя Иван, одна из дочерей носит имя Катерина. Идея жизненного круга, бесконечного, как оставившееся время, вербализована писателем в сравнении двух Иванов: «Он ничего не думал, точь-в-точь как тот, кто лежал в люльке и улыбался, для которого еще не существовало разницы между явью и сном. И для обоих сейчас не было ни конца, ни начала» (Там же, с. 36). Первый покос Катюшки становится последним для ее матери Катерины. После смерти

жены заплутавший в лесу Иван Африканович размышляет о судьбе жены и своей собственной и постепенно приходит к осознанию идеи бесконечности всего сущего. Движение мысли от отдельной личности человека к устройству мира (природного и социального) выражено в логической цепи вопросов, ответы на которые находит Иван Африканович: Для чего рождается человек? Что было до его рождения? Что останется после его смерти? Что там-то, на той стороне? Вот не стало Катерины, где она? Ведь «ничего после смерти не будет, одна чернота, пустое место» [2, с. 122]. Но останутся другие, пусть без него, но жизнь не остановится и уже ради этого стоит продолжать жить. Жизнь не прекращается, находит продолжение в детях, как меняются сезоны, умирает к зиме и возрождается весной природа, так на смену одному поколению (символично в этом отношении смерть Катерины поздней осенью, первый покос дочери и последний матери) приходит другое (рождение маленького Ивана ранней весной). «Конца нет этому круговороту... и не будет» (Там же, с. 123).

Кольцевая композиция подчеркивает философскую проблематику «Привычного дела». Личность погружена в круговорот природной жизни. Повторяемость природного цикла символизирует постоянное обновление жизни человека и рода. С одной стороны, смерть Катерины – нарушение этой гармонии, идеи бесконечности, с другой – дети Ивана и Катерины – продолжение естественной преемственности поколений, непрерывности жизненного потока.

Таким образом, описывая период человеческого развития, когда ребенок учится понимать окружающий мир, тренирует необходимые навыки, усваивает культуру своего общества, В.И. Белов раскрывает значимые для ребенка способы постижения мира: природно-созерцательный, подражательный (игровой), путь социального научения. Образ ребенка создается в результате описания его внутреннего мира, чувств и состояний, отношения к ровесникам и взрослым, особенностей поведения в ситуации игры, развлечения, трудовой деятельности. С одной стороны, дети – продолжатели традиций старшего поколения, часть непрерывного жизненного цикла человеческого рода, с другой – судьба ребенка во многом зависит от возможных изменений деревенского уклада, отношений в семье и обществе. Писатель не ставит целью показать развитие личности ребенка на протяжении длительного периода, поведение детей связано с событиями одного года. Синхронное описание позволяет писателю создать образ ребенка, отражающий нравственную, культурную и социальную ситуацию, сложившуюся в деревне к середине 60-х годов XX века.

Литература

1. Балина, М. Литературная репрезентация детства в советской и постсоветской России / М. Балина // Детские чтения. – 2012. – Т.1, № 1. – С. 43–66.
2. Белов, В. И. Привычное дело / В. И. Белов // Собрание сочинений. В 7 т. Т. 2: Повести и рассказы. – Москва : РИЦ «Классика», 2011. – С. 7–128.
3. Гусева, Е. В. Мир вещей в раскрытии детской темы у Захара Прилепина / Е. В. Гусева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семантика. – 2013. – № 3. – С. 92–101.

4. Даль, В. И. Пословицы русского народа. В 3-х томах. Т. 2 / В. И. Даль. – Санкт-Петербург : ТОО «Динамит», 1996.
5. Дворянова, Н. В. Художественное постижение истории и современного состояния семьи в творчестве В.И. Белова 1960–1970-х годов : специальность 10.01.01 «Русская литература» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидат филологических наук / Дворянова Н. В. – Москва, 2008. – 24 с.
6. Дедюхина, О. В. Концепция детства в произведениях Ф.М. Достоевского и В.Г. Короленко / О. В. Дедюхина, О. И. Иванова // Казанская наука. – 2021. – № 9. – С. 18–22.
7. Клыпина, И. В. Художественное осмысление темы детства в рассказах Федора Сологуба / И. В. Клыпина, Е. Ю. Шестакова // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2021. – Т. 15, № 2. – 22–30.
8. Ланьи, Л. Образ детства в литературе XIX века / Л. Ланьи // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2011. – № 7. – С. 82–84.
9. Федорова, А. В. Детская игра как прием гендерного моделирования в повести В.И. Белова «Привычное дело» / А. В. Федорова // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2017. – № 6. – С. 143–149.
10. Филипповский, Г. Ю. Две концепции детства в европейской и русской поэзии XVIII–XIX в. / Г. Ю. Филипповский // Верхневолжский филологический вестник. – 2020. – № 3 (22). – С. 8–17.
11. Хадынская, А. А. Детская тема в лирике Г. Иванова / А. А. Хадынская // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2019. – № 1 (198). – С. 58–66.
12. Царева, О. А. Тема детства в лирике Арсения Тарковского / О. А. Царева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 7–1 (49). – С. 198–202.
13. Якимова, Л. П. Образ ребенка в советской литературе 20-х гг. / Л. П. Якимова // Вестник Ульяновского государственного технического университета. – 2015. – № 1. – С. 4–17.

S.H. Golovkina

**IMAGINARY IMPLEMENTATION OF THE THEME OF CHILDHOOD
IN THE STORY BY V.I. BELOV «AN ORDINARY AFFAIR»**

The article examines the artistic presentation of the world of childhood in the story by V.I. Belov «An ordinary affair». As the study shows, the description of a child's inner state and the peculiarities of the world perception is the most significant tool when revealing the theme of childhood. The role of games and work in the formation of a child's personality, his/her cultural and social experience is presented. The author's idea of the continuity of generations and the infinity of the life cycle is confirmed.

Vasily Belov, poetics of prose, artistic image, theme, childhood, children's images